УДК 069(571.54)

ББК 79.1(2Р54)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-39-83-95

А. Е. Мурзинцева, Н. Ю. Васильева

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КЯХТИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ЧТО МЫ О НЕЙ ЗАБЫЛИ?

Анализируется 130-летняя история формирования и изучения собрания фоссилий музея с точки зрения влияния результатов этих исследований на палеонтологическую науку и развитие музейного дела региона. Выделяются наиболее ценные предметы и коллекции, формулируются рекомендации для дальнейшей работы.

Ключевые слова: музейное собрание, палеонтологическая коллекция, исследователи, публикации, типовые экземпляры, музейные ценности, Забайкалье.

A. E. Murzintseva, N. Yu. Vasilyeva

PALEONTOLOGICAL COLLECTION OF THE KYAKHTA
LOCAL MUSEUM. WHAT DID WE FORGET ABOUT IT?

The article analyzes the one hundred and thirty-year history of the formation and study of the museum's fossil collection from the point of view of the impact of the results of these studies on paleontological science and the development of museum activity in the region. The most valuable items and collections are highlighted, recommendations for further work are formulated.

Keywords: museum collection, paleontological collection, researchers, publications, type specimen, museum values, Transbaikalia.

Палеонтологическая коллекция Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева (далее ККМ) – не самая большая, но одна из самых успешных как по составу, включающему предметы мирового значения, так и по изученности. На основе материалов из коллекции были опубликованы десятки статей и сделаны открытия мирового уровня.

Однако эти публикации остались достоянием достаточно узкого круга лиц: для палеонтологов они в большей мере отображают историю палеонтологического изучения региона, чем потенциал для новых исследований. Для Кяхтинского музея, его сотрудников и аудитории палеонтологические исследования также остались частью музейной истории. Их результаты, информация, извлеченная из предметов, смыслы, раскрытые в процессе исследования, не стали частью музейного собрания. Они не зафиксированы в учетной документации, не влияют на тематику и содержание музейных выставок, не получают достойного отображения в изданиях музея.

Проблемой в работе ККМ уже достаточно давно признан учет фондов, особенно вторая его ступень – научная инвентаризация. Попытка паспортизации фонда,

МУРЗИНЦЕВА Александра Евгеньевна – кандидат культурологии, хранитель фондов Музея Федерального государственного учреждения науки «Бурятский научный центр СО РАН» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: masash@inbox.ru.

ВАСИЛЬЕВА Наталья Юрьевна – научный сотрудник Государственного автономного учреждения культуры Республики Бурятия «Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева» (г. Кяхта, Россия). E-mail: nata_1979.02@mail.ru.

предпринятая при участии палеонтолога Н. П. Калмыкова, составившего описание 200 предметов коллекции в 1992 г., не была завершена. В бланки паспортов были внесены данные предметов из книги поступлений и описания предметов (в объеме учетной карточки), но расширенной информации, которая предполагается для музейного паспорта, как результат исследования, с привлечением специальной литературы и дополнительных источников, эти паспорта не содержат.

В собрании ККМ запутана система маркировки предметов: учетные обозначения на предметах не соответствуют современным музейным стандартам. Новые возможности для решения проблем возникли в последние годы после внедрения автоматизированной системы музейного учета. Она позволяет оперировать учетными данными, сопоставляя и исправляя в них противоречия, а также предоставляет удобную форму хранения сопряженной с предметами информации.

Специфика музейных естественнонаучных коллекций состоит в том, что сопроводительная информация к предметам составляет примерно половину их ценности. Если утрачиваются сведения о месте, обстоятельствах, условиях находки, образец в большинстве случаев теряет свое научное значение.

В то же время изучение музейных коллекций исследователями позволяет в наибольшей мере раскрыть потенциал предмета, значительно повысить его культурную ценность. Соответственно, результаты исследований музейных предметов подлежат хранению в музее наряду с самими натурными образцами. Как пример можно привести опыт палеонтологического музея Томского государственного университета, где в отделе монографических коллекций поверх ящика с образцами кладется отдельный отиск статьи, в которой эта коллекция была опубликована.

Современная методика работы с фондами рекомендует раздельное хранение предметов, состоящих из разных материалов. Интеграция разнородной информации, установление связей между предметами, публикациями и учетными данными производятся в информационной системе. В ККМ используется комплексная автоматизированная информационная система «КАМИС». Реализации возможностей, предоставляемых системой, и посвящено настоящее исследование.

Как правило, для краеведческих музеев палеонтологические коллекции составляют проблемный ресурс, поскольку для работы с ними необходим профильный специалист. Кяхтинский краеведческий музей в конце XIX – начале XX в. выработал эффективную политику менеджмента естественнонаучных коллекций, включавшую как самообразование сотрудников музея, выработавших у себя компетенции исследователей, так и работу с приглашенными учеными.

Наиболее ранние сведения о палеонтологических находках региона относятся к середине XVIII в., тогда Паллас описал череп носорога *Coelodonta lenensis*, найденный на берегу р. Чикой. После этого следует перерыв более чем в сто лет, что связано со сравнительно поздним становлением палеонтологии как самостоятельной научной дисциплины, а также обилием палеонтологического материала на севере Сибири, которому исследователи уделяли большее внимание, чем югу. Систематические палеонтологические исследования на территории Бурятии начались с 50-х гг. XX в. На этом фоне палеонтологические сборы Кяхтинского краеведческого музея и их изучение в конце XIX – середине XX в. составили целый этап в истории палеонтологической науки Забайкалья.

В дореволюционный период все палеонтологические поступления в музей носили случайный характер. Как писал С. А. Успенский, «отделы по палеонтологии, нумизматике и сельскому хозяйству пополняются редкими пожертвованиями и по-

купками» [Батоцыренов 2015: 15]. Как цитируют Е. Е. Попова и А. Д. Цыбиктаров отчетные материалы музея, «на 1897 г. собрание музея включало 8213 предметов, из которых естественнонаучных 4616, в т. ч. палеонтологических – 147» [2003].

В их работе перечислены практически все имена дарителей палеонтологических образцов музею, членов отделения и простых жителей Кяхты и близлежащих уездов. Сборы охватывали также приграничную территорию Монголии. Причиной сравнительно медленного пополнения палеонтологического собрания она называет отсутствие у Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества, в ведение которого входил музей, специалиста в этой области и, как следствие, отсутствие палеонтологического направления в программе исследований [Там же]. Среди поступлений были отпечатки растений в камне и окаменелые кости животных. В современной палеонтологической коллекции музея растения не представлены, они отнесены к другим коллекциям, только средне- и позднекайнозойская крупная фауна.

Труд по определению палеонтологических образцов взял на себя и успешно реализовал Владислав Степанович Моллесон. Учитель по профессии, он стал целой эпохой в развитии орнитологических исследований в регионе. В качестве коллектора музея Моллесон систематизировал все его естественнонаучные коллекции. Именно палеонтологическая и орнитологическая коллекции ККМ были опубликованы первыми в 1-м выпуске «Трудов Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества». Качество проведенных им обмеров и определений палеонтологического материала получило полное одобрение палеонтологов, работавших с коллекцией позднее [Павлова 1911; Иваньев 1961].

Им были определены: медведь *Ursus arctos*, лошадь *Equus caballus*, олень *Cervus maral*, баран *Ovis sp.*, бык *Bos p. et bison priscus*, носорог *Rhinoceros tichorhinus*, мамонт *Elephas primigenius* [Моллесон 1899].

Часть перечисленных животных продолжают обитать в регионе до наших дней, часть – вымершие виды. И если мамонт представлен фрагментами бивней и зубов – диагностичным материалом, который сложно отнести к какому-либо иному животному, то среди остатков носорогов Моллесону удалось определить не только фрагменты краниального скелета (череп, челюсти, зубы), но и лопатку и кости конечностей. Среди черепов быков им был выделен образец № 370, который отличался от образцов *Bison sp.* и, очевидно, представлял интерес для дальнейших исследований.

После смерти В. С. Моллесона работа с палеонтологическими находками в музее остановилась. Нехватку узких специалистов Кяхтинский музей решал за счет привлечения ведущих ученых России и других стран, которым собранные коллекции пересылались почтой для научной обработки. Выработанная методика имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, к изучению музейных предметов привлекались авторитетные специалисты, что обеспечивало высокое качество исследований. Одновременно с музейными коллекциями знакомилась самая приоритетная аудитория – профильные ученые, таким образом, коллекции получали, без преувеличения, мировую известность в научном мире.

Но риски, сопряженные с сохранностью материалов во время пересылки, были высоки. Как писал С. А. Успенский, «многие коллекции музея после неоднократных неудачных посылок разным лицам и учреждениям для определения безвозвратно погибли...» (цит. по: [Батоцыренов 2015: 15]). Палеонтологические образцы, в отличие от ботанических или энтомологических, менее требовательны к условиям транспортировки, но установление связей с исследователями занимало много времени. Переписка велась с палеонтологическим музеем МГУ, зоологическим музеем Академии

наук и Мюнхенским городским музеем. Договоренность была достигнута с первым из них.

Геологические кафедры МГУ и состоявшие при них геологический, минералогический и палеонтологический кабинеты (музеи) лидировали на тот момент в своей научной области благодаря работе в них известнейших специалистов: Владимира Ивановича Вернадского, супругов Павловых, Алексея Петровича и Марии Васильевны. М. В. Павлова – первая в России женщина-палеонтолог. Она стала первой женщиной-профессором зоологии Московского университета (1916 г.), почетным членом Академии наук СССР (1930 г.). С 1926 г. объединенный геолого-палеонтологический музей МГУ носил имя А. П. и М. В. Павловых.

Сотрудничество ККМ с М. В. Павловой началось с ее приезда в Кяхту в 1909 г. В дальнейшем материал пересылался ей для изучения в Москву. К этому времени палеонтологическая коллекция в Кяхте практически удвоилась по сравнению с описанной Моллесоном. Перечень определенных видов также стал шире: *Bison priscus* H. v. Meyer, *Bos primigenius* Boj., *Bos* sp., *Ovis ammon fossilis* sp. n., *Cervus elaphus* (Maral) Linn., *Cervus eurycerus* Aldr., *Cervus capreolus* Linn., *Antilope aff. gutturosa* Pall., *Capra Suleman Kiackhthensis* sp. n., *Equus caballus* Linn., *Equus* sp., *Rhinoceros tichorhinus* Fisch., *Rhinoceros Merckii* Jag., *Elephas primigenius* Blum. [Павлова 1911].

Дополнительно были изучены кости из археологических средневековых погребений, но к палеонтологической коллекции их можно отнести лишь с некоторыми допущениями, как субфоссильный материал. Важнейшим открытием стало описание Павловой нового биологического вида – кяхтинского винторога *Capra Suleman Kiackhthensis*. В некоторых публикациях его указывают как «антилопу Моллесона», однако в биологической систематике такое название не используется. М. В. Павлова отнесла этот вид к роду *Capra* (горные козлы), однако М. Буль, опубликовавший аналогичный образец из Китая (Ордоса) в 1928 г., доказал его принадлежность роду *Spirocerus* – винторогие антилопы (*Spirocerus* Boule and Teilhard de Jardin 1928). В результате в современной палеонтологической литературе этот вид носит название *Spirocerus kiakhtensis* M. Pavlova, 1910.

Образец, по которому описывается новый биологический таксон, относится к типовым биологическим экземплярам – объектам мирового значения для науки. Голотип (единственный образец, по которому был открыт вид) кяхтинского винторога – расколотая на два фрагмента лобная кость с роговыми стержнями № 2249/29 и 2249/30 из собрания Кяхтинского музея – стала эталоном вида, с которым сопоставляются все последующие находки.

Образцы кяхтинского винторога – часть коллекции, собранной Б. М. Малевским с песчаных выдувов у окраины г. Троицкосавска (№ 2249), включавшей более 40 экз. Эффект взаимного документирования связанного комплекса предметов позволяет получить несоразмерно больший объем научной информации, чем отдельная случайная находка. Вместе с винторогом были найдены кости быка, дзерена, лошади, носорога мерка, что позволяет обсуждать экологический комплекс, частью которого был винторог. Условия находки на поверхности земли, а также сборов без документирования не дают возможности определить, обитали все перечисленные виды в одно время, либо между их существованием проходили тысячелетия. Мы можем говорить только об их географической общности.

Помимо винторога в статье Павловой постулируется еще ряд открытий, имеющих мировое значение. Из коллекции Кяхтинского музея впервые в мире были описаны ископаемые, древние формы горного барана *Ovis ammon* Linneus (черепа № 1042, 1095, 1150, 1202, 1605а, 2155, 2156а, 2274, 2310, 2115/2015, № 947 – с ро-

говым чехлом) и дзерена *Antilope (gasella) aff. gutturosa* Pallas (роговые стержни 2249/31 и 32, 2249/33) [Павлова 1911]. Следует обратить внимание на оговорку Марии Васильевны о том, что черепа горных баранов известны и в собраниях других сибирских музеев, но именно кяхтинские оказались опубликованы первыми.

В статье перечислены все номера музейных предметов, исследованных Марией Васильевной. Специально помечены наиболее сохранные и интересные в научном отношении образцы, приведены их фотографии. Данными статьи М. В. Павловой пользуются и ссылаются на нее практически все палеонтологи, работающие в регионах Сибири и Центральной Азии. Фактический материал, приведенный в ней, послужил основой для крупных обобщающих работ.

Научное наследие М. В. Павловой хранится в Москве, в Государственном геологическом музее им. В. И. Вернадского и Архиве РАН, в т. ч. переписка с П. С. Михно и М. И. Моллесон [АРАН. Ф. 311. Оп. 3].

В 1954 г. на основании черепа из Чернышевского района Читинской области, а также фотографии черепа быка из публикации М. В. Павловой сотрудником Зоологического института АН СССР (г. Ленинград) Николаем Кузьмичом Верещагиным был описан байкальский як *Poephagus baikalensis* Vereshchagin, 1954, и музейный образец № 863 также обрел статус типового биологического экземпляра – паратипа (одного из серии образцов, на основании которых был описан таксон), эталона вида [1954]. Байкальский як, как и кяхтинский винторог, относится к эндемикам Забайкалья: в палеонтологии – это виды, впервые открытые в регионе. В дальнейшем кяхтинский винторог был найден в Монголии, Китае, Казахстане. Ареал байкальского яка в результате исследований расширился на северо-восток – в Якутию, на Чукотку. Статья Н. К. Верещагина также обладает высоким уровнем цитирования.

Н. К. Верещагин публикует изображение черепа яка из ККМ также в своей статье 1960 г., но уже без ссылок на его музейный статус, только с указанием происхождения из окрестностей г. Кяхты [Верещагин и др. 1960: 62]. К сожалению, в последнем случае говорить о полноценной публикации музейного предмета мы не можем, несмотря на очевидную идентичность изображений в статьях Н. К. Верещагина и М. В. Павловой.

Менее известна среди палеонтологов монография академика Николая Викторовича Насонова «Географическое распространение диких баранов Старого Света» (1923), в которой опубликованы некоторые материалы палеонтологической и зоологической коллекций ККМ. С Н. В. Насоновым, директором Зоологического музея Академии наук в 1906–1921 гг., Кяхтинский музей еще в 1907 г. вел переписку о возможности обработки палеонтологической коллекции, но сотрудничество было реализовано позже.

Для исследования академику Насонову был предоставлен из Кяхты череп аргали (монгольское название – архар) с роговым чехлом № 947, ранее опубликованный В. С. Моллесоном и М. В. Павловой (фамилия В. С. Моллесона ошибочно приводится как Малесон). Н. В. Насонов провел сравнительный анализ черепа ископаемого аргали с современными формами горных баранов и пришел к выводу о его идентичности современному монгольскому подвиду горного барана *Ovis ammon mongolica* (Severtzov). На основе места находки этого черепа, а также других черепов, хранящихся в ККМ, в т. ч. рецентного (современного) черепа № 2314 в, он проводит восточную границу ареала обитания аргали по верховьям Селенги [1923: 113–115, 184–185].

Не менее важным для исследователя, чем костный материал, оказались сведения, сопровождавшие его. В частности, зафиксированное М. В. Павловой предание

о том, что в районе р. Джиды, где был найден ископаемый череп аргали, горные бараны водились в историческом времени, что возвращает нас к вопросу о важности сохранения информации, сопровождающей естественнонаучные образцы. Архив Н. В. Насонова, включающий черновые записи, зарисовки, фотографии и переписку по теме приведенного исследования, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [АРАН. Ф. 318. Оп. 1].

Послереволюционный этап развития собрания ККМ связан с новыми задачами, ставившимися перед музеем как научно-исследовательской организацией, Бурятской республикой и организовывавшимися комплексными экспедициями.

Если на конец 1925 г. в музейной документации было зарегистрировано 655 палеонтологических экземпляров, то 1926 год и экспедиция на Джиду принесли сразу 658 экз. В 1927 г., когда была организована Гусиноозерская экспедиция, в музей поступило 800 экз. окаменелых костей. Хамар-Дабанской экспедицией 1936 г. собрано 108 костей «животных четвертичных отложений». Боргойская экспедиция 1930 г. палеонтологических находок не дала, и за рамками экспедиций палеонтологические поступления в музей оставались незначительными [Попова, Цыбиктаров 2003].

Переход от случайных находок к целенаправленным сборам и комплексным исследованиям можно назвать этапным для развития палеонтологии региона. Огромный объем информации о находке собирается в процессе ее документирования на месте обнаружения. При случайных находках эта информация, как правило, полностью игнорируется и утрачивается, тогда как в ходе экспедиционных работ специалисты ведут дневник экспедиции, делают зарисовки и фотографии процесса работ, фиксируют на карте места находок.

Одним из существенных результатов начавшихся экспедиций стало то, как писал С. А. Успенский в 1926 г., что «возможно предполагать, что музеем добыты предметы по палеолиту» [Батоцыренов 2015: 20]. Опираясь на находки подъемного археологического материала П. С. Михно, Бурят-Монгольское научное общество и Бурят-Монгольский ученый комитет инициировали дальнейшие исследования, и в 1928–1929 гг. Монгольской комиссией АН СССР и Государственной академией истории материальной культуры (ныне – Институт археологии РАН) были организованы археологические работы в Бурятии. Начальником экспедиции был назначен Георгий Петрович Сосновский. В состав экспедиции входили научные сотрудники Л. М. Нурк и А. М. Виноградова, активное участие в ней в 1928 г. принимали местные научные работники – В. В. Попов, Б. Б. Бамбаев, П. С. Михно и С. А. Успенский; в 1929 г. проходил практику Э. Р. Рыгдылон. Районом обследования экспедиции был определен бассейн Селенги на территории Верхнеудинского, Троицкосавского и Селенгинского аймаков [Сосновский 1932].

Как описано в отчете музея за 1928 г., П. С. Михно, участвуя в работах экспедиции у с. Хамнегадай и в Хилгантуйской степи у горы Кумын, нашел скорлупу ископаемого страуса. Эта находка оказалась не менее сенсационной, чем винторогая антилопа, и совершенно неожиданной для Сибири. Вероятно, успеху послужил тот факт, что в коллекции музея были яйца современных страусов: в 1908 г. они поступили из г. Веймара (Германия) по обмену [Батоцыренов 2015]. Забайкальским страусам посвящены десятки статей, закрепляющих за П. С. Михно и Г. П. Сосновским право первооткрывателей. Обратим внимание на статью Л. Н. Иваньева «Стратиграфическое и палеогеографическое значение остатков ископаемого страуса в Западном Забайкалье» (1964), в которой он раскрывает факт сборов «обломков яиц» страусов С. А. Успенским еще в 1925 и 1926 гг. Находки Успенского 1925 г. были

определены в 1927 г. А. А. Бялыницким-Бируля (директором Зоологического музея АН СССР в 1923–1929 гг.), но остались мало известны специалистам. По собранным Л. Н. Иваньевым сведениям, о находках С. А. Успенского упоминали Г. Ф. Дебеч (1930) и А. П. Окладников (1961). Георгий Францевич Дебеч в 1925–1926 гг. был сотрудником ККМ и знал о находке непосредственно от ее автора.

Всего Иваньев указывает 11 мест находок скорлупы страуса П. С. Михно и Г. П. Сосновским: Номохоново, Ара-Цзоктуй, Мыльниково, Зарубино, урочище Ивашка, р. Сава, Капчеранга, Харанхой, Дурены, Хара-Бусун [Иваньев 1964: 112]. За следующие десятилетия скорлупа страуса была найдена более чем в трех десятках мест Западного Забайкалья, в т. ч. на поселениях людей каменного века. Первые находки ископаемых страусов Забайкалья в собрание ККМ не вошли. В музее хранятся фрагменты скорлупы из Ботыйской ямы (Харанхой) (сборы 1935–1936 гг.).

Неожиданность находки страуса, ныне теплолюбивого африканского обитателя, в отложениях позднего кайнозоя Сибири вызвала бурную дискуссию, продолжавшуюся не одно десятилетие. Могли ли страусы быть современниками мамонтов и шерстистых носорогов, либо их скорлупа переотложились из более древних отложений и они жили в более раннее и теплое время? Имеют ли отношение фрагменты скорлупы к найденным рядом с ними артефактам, или смешение произошло на современном этапе в процессе выветривания вмещающих пород, ведь скорлупу находили на песчаных выдувах рядом с артефактами неолитических и более поздних культур? Почему находки скорлупы многочисленны, тогда как костей страуса не находят? Если скорлупа происходит с человеческих поселений, не могла ли она быть принесена людьми из более южных районов? Тем более что практически одновременно с публикацией материалов Г. Ф. Дебечем и А. Я. Тугариновым появилась статья Р. R. Lowe об ископаемых страусах Северного Китая и Монголии [Иваньев 1964].

Более поздние исследования Л. Н. Иваньева, А. Д. Иванова, Н. П. Калмыкова и других авторов показали, что страус действительно обитал в Западном Забайкалье от позднего палеолита до неолита. По мнению Н. П. Калмыкова, страусы изначально обитали в Северном Китае, расширив в дальнейшем свой ареал по Орхон-Селенгинскому и Селенгинскому среднегорьям, вплоть до долин рек Селенги, Джиды, Чикоя, Хилка, Уды, Куйтунки, Тамира, ставших северной границей их ареала [Калмыков 2012].

Одним из аргументов в дискуссии о забайкальских страусах стала публикация В. И. Громова «Элементы африкано-азиатской фауны в четвертичных отложениях Сибири» (1932), который увязал между собой находки страуса, кяхтинского винторога и еще одной антилопы – *Parabubalis capricornis*, открытой В. И. Громовым в Восточном Забайкалье, обосновав эндемичный характер этих видов для региона.

Валериан Иннокентьевич Громов – уроженец Троицкосавска, заведующий отделом четвертичной геологии Геологического института АН СССР (г. Москва), основатель научного направления геологии палеолита. В 1920–1930-е гг. он осуществлял научное сопровождение, определение и описание поступающих в Кяхтинский музей палеонтологических материалов. В указанной публикации Громов пишет: «В прошлом году автор этой заметки получил из музея г. Троицкосавска для описания небольшую серию роговых стержней, найденных в разное время в районе этого города. Из них одна пара рогов была описана еще в 1910 г. М. В. Павловой под именем *Capra Suleman Kiackhthensis*. Однако детальное изучение всех присланных остатков и особенно одного из них, с сохранившейся лобной частью, позволило установить принадлежность их вымершему ныне роду и виду антилопы *Spirocerus kiakhtensis* (M. Pavl.)» [1932: 15].

В монографии «Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР» (1948), за которую В. И. Громов в 1950 г. получил Сталинскую премию второй степени, автор проводит крупное обобщение данных по всей стране, отмечая своеобразие палеолита бассейна р. Селенги по его палеонтологическим характеристикам: в целом они сходны с сибирскими стоянками, отличаются примесью элементов южноазиатских форм (винторогая антилопа, страус). При этом оговаривается, что палеолитические стоянки региона мало исследованы. На карте «Палеолит СССР» группа забайкальских стоянок локализуется вокруг Кяхты [Громов 1948]. Таким образом, информация о четвертичном периоде региона к середине XX в. оставалась результатом научной активности прежде всего Кяхтинского краеведческого музея.

В. И. Громов также упоминает обработанные им материалы ККМ: «Что же касается *Spirocerus*, то среди большого количества фауны, определявшейся нами из этих мест, оказалась черепная коробка со срезанным кремневым орудием роговым стержнем: этим доказывается одновременность существования этой антилопы с палеолитическим человеком» [1948: 372]. Указание на следы обработки рога антилопы каменным орудием – важная деталь, однако автор не приводит указаний на номера конкретных музейных предметов. Выявить повторно сделанное В. И. Громовым открытие – интересная задача для современных исследователей и хранителей палеонтологической коллекции Кяхтинского музея.

Репрессии в отношении сотрудников музея в 1930-х гг. остановили развитие музейного собрания и исследований. Сборы Хамар-Дабанской экспедиции 1936 г. более 50 лет пролежали в музее не определенными. Развитие палеонтологических исследований региона получило новые источники: не музейные коллекции, но целенаправленные раскопки, включающие геоморфологическое, стратиграфическое, планиграфическое изучение места находки, с привлечением новых лабораторных методов анализа, абсолютного датирования. В публикациях материалы Кяхтинского музея присутствуют только в разделе истории исследований [Вангенгейм 1977: 7].

В 1950–1970-х гг. Элеонора Алексеевна Вангенгейм работала с палеонтологической коллекцией в Кяхтинском музее, как и Владимир Ильич Жегалло (Палеонтологический институт АН СССР), и упомянутый выше Леонид Никифорович Иваньев (Институт земной коры СО АН СССР), но лишь в последнем случае эта работа реализовалась в публикациях, в частности в статье «Вклад Кяхтинского музея в палеонтологию» (1961). Первооткрыватель гиппарионовой фауны в Забайкалье, Л. Н. Иваньев обошел своим вниманием коллекцию Хамар-Дабанской экспедиции, представленную именно этой фауной. Вполне вероятно, коллекция была спрятана в музее, именно так сотрудники поступили с геологическими сборами экспедиции 1937 г. О том, что опасения имели под собой основания и часть материалов экспедиции была из музея изъята, писал Э. А. Батоцыренов (2015). Только к 1990-м гг. эти коллекции были извлечены из подвалов и стали доступны исследователям.

С 1978 г. началось плодотворное сотрудничество ККМ с Николаем Петровичем Калмыковым (Бурятский геологический институт СО АН СССР), главным проектом которого стала ревизия палеонтологической коллекции музея с составлением описаний 200 ед. хр. в 1992 г. В том числе им были определены сборы Хамар-Дабанской экспедиции (номер коллекции 6434).

В 1989 г. Н. П. Калмыков к 100-летию музея подготовил обзор «К истории исследования палеонтологической коллекции краеведческого музея», где обратил внимание и на существующие проблемы в работе с ней, в частности на утрату ценности старых коллекций из-за недостаточной точности их привязки, стратиграфической и

геологической. В результате проведенной им ревизии образцы неизвестного происхождения переведены из основного фонда во вспомогательный, как не имеющие научного значения. Мемориальная ценность предметов, их роль в истории музея при этом не была принята во внимание. Также в статье обсуждалась вероятность отнесения сборов Хамар-Дабанской экспедиции из долины р. Темник к местонахождению Удунга, открытому Н. П. Калмыковым в 1985 г. и подробно изученному в последующие годы. В паспортах 1992 г. эти сборы уже уверенно указаны как удунгинские.

Паспортизация палеонтологической коллекции, проведенная Н. П. Калмыковым, позволяет считать ее изученной, поскольку после 1992 г. поступления ограничились пятью фрагментами бивня мамонта.

Сравнение крупнейших палеонтологических музейных коллекций Бурятии по видовому разнообразию показывает достаточно близкую картину. В целом для западного Забайкалья характерно преобладание в музейных сборах остатков шерстистого носорога, ископаемых быков, мамонта и аргали. Видовое разнообразие в коллекции ККМ немного ниже за счет плиоценовой гиппарионовой фауны и хищников. Их присутствие в собраниях Национального музея РБ и Музея БНЦ СО РАН – результат специализированных палеонтологических раскопок Н. П. Калмыкова, тогда как в Кяхтинском музее гиппарионовая фауна представлена сборами П. С. Михно, изученными Н. П. Калмыковым.

В результате проведенного исследования был определен ряд рекомендаций:

1. Внести в информационную систему музея сведения о публикации конкретных музейных предметов в научной литературе:

№ 3, 11, 26а, б, 76а, б, 160, 370, 423, 423а, б, 445, 671, 677, 677а, б, с, 678, 746, 762, 784, 786, 790, 791, 887, 892, 899, 902, 933, 934, 947, 1024, 1025, 1038, 1039, 1040, 1041, 1042, 1043, 1061, 1073, 1092, 1093, 1094а, б, 1095, 1096, 1101, 1102, 1104, 1105а, б, 1107, 1108, 1109, 1111, 1112, 1113, 1114, 1150 [Моллесон 1899].

№ 3, 11, 26а, б, 76а, б, 160, 161, 186, 187, 370, 423а, 423б, 445 (5), 671, 677а, б, 678, 746, 786, 790, 791, 863, 899, 902, 933, 934а, 947, 961, 1024, 1025, 1038, 1039, 1040, 1041, 1042, 1043, 1048, 1073, 1092а, б, с, 1093, 1094, 1094б, 1095, 1096, 1096 (3), 1096а, 1101, 1102, 1103а, б, 1104, 1105а, б, 1106, 1107(3), 1108, 1109, 1109а, 1111а, б, 1112а, d, u, 1113, 1114, 1148, 1149, 1150, 1171, 1173, 1186, 1189, 1201, 1202, 1203, 1204а, б, 1205, 1209, 1244, 1245, 1246а, б, 1257, 1273, 1274, 1274с, 1328, 1337, 1339(2), 1346, 1349, 1350, 1351, 1352, 1353, 1353 (3), 1357, 1357а, 1357х, 1371, 1392, 1393, 1393 (1, 2), 1394, 1541, 1542, 1605а, б, 1613, 1671, 1688а, б, 1817а, б, 1866, 2008, 2209, 2015 (4), 2024а, б, 2112, 2115, 2128, 2132а, б, 2133, 2152, 2152(4), 2152с, d, e, f, g, 2153а, h, 2154а, с, 2155, 2155б, 2156а, b, c, d, 2157, 2157f, 2185, 2186, 2191, 2233, 2234с, 2249/1-45, 2274, 2309, 2310, 2311, 2326, 2327, 2332, 2355, 2357а [Павлова 1911].

№ 863 [Верещагин 1954].

№ 947, 2314 [Насонов 1923].

2. Внести в информационную систему музея сведения об особом научном значении музейных предметов:

№ 2249/29 и 2249/30 – голотип вида кяхтинский винторог *Spirocerus kiakhtensis* M. Pavlova, 1910.

№ 863 – паратип вида байкальский як *Poephagus baikalensis* Vereshchagin, 1954.

№ 947, 1042, 1095, 1150, 1202, 1605а, 2115/2015, 2155, 2156а, 2274, 2310 – пер-

Таксономический состав крупной кайнозойской фауны в музеях Бурятии
(приводится по: [Клементьев 2010], с дополнениями)

Таксон	Taxon	ККМ	Музей БНЦ СО РАН	Националь- ный музей РБ
Бобр	<i>Castoridae gen.</i>	+	+	+
Сурок монгольский	<i>Marmota sibirica</i>		+	
Волк	<i>Canis lupus</i>		+	+
Лисица корсак	<i>Vulpes corsac</i>		+	
Лисица обыкновенная	<i>Vulpes vulpes</i>		+	+
Медведь бурый	<i>Ursus arctos</i>	+	+	+
Соболь	<i>Martes zibellina</i>		+	+
Росомаха	<i>Gulo gulo</i>			+
Барсук	<i>Meles meles</i>		+	+
Пещерная гиена	<i>Crocota spelaea</i>		+	
Гиена плиокрокута	<i>Pliocrocota perrieri</i>		+	+
Гиена пахикрокута	<i>Pachycrocota sp.</i>	+	+	+
Рысь шансийская	<i>Lynx shansius</i>	+		+
Рысь обыкновенная	<i>Lynx lynx</i>		+	
Гомотерий (саблезубая кошка)	<i>Homotherium sp.</i>			+
Мамонт	<i>Mammuthus sp. et M. primigenius</i>	+	+	+
Слон архидискодон	<i>Archidiskodon sp.</i>		+	+
Мастодонт зиголофодон	<i>Zygalophodon sp.</i>			+
Чикойский гиппарион	<i>Hipparion tchicoicum</i>	+		+
Лошадь санмэньская	<i>Equus sanmeniensis</i>		+	+
Лошадь дикая ископаемая	<i>Equus ferus</i>	+	+	+
Кулан	<i>Equus (Hemionus) hemionus</i>	+	+	
Лошадь <i>Sussemionus</i>	<i>Equus (Sussemionus) sp.</i>		+	
Шерстистый носорог	<i>Coelodonta antiquitatis</i>	+	+	+
Тологойский носорог	<i>Coelodonta tologojensis</i>		+	+
Носорог Мерка	<i>Dicerorhinus Merkii (kirchbergensis)</i>	+		
Носорог ископаемый	<i>Dicerorhinus sp.</i>		+	

Верблюд	<i>Camelus</i> sp.		+	
Благородный олень	<i>Cervus elaphus</i>	+	+	+
Большерогий олень	<i>Megaloceros</i> sp.	+	+	
Олень орхоноцерос	<i>Orchonoceros gromovi</i>	+	+	
Олень <i>elaphoides</i>	<i>Cervus elaphoides</i>			+
Лось	<i>Alces</i> sp.	+	+	+
Косуля	<i>Capreolus</i> sp.	+	+	+
Косуля Флерова	<i>Capreolus flerovi</i>	+		
Кабарга	<i>Moschus moschiferus</i>		+	+
Степной бизон	<i>Bison priscus</i>	+	+	+
Байкальский як	<i>Poephagus baikalensis</i>	+	+	
Антилопа	<i>Probubalus triquetri-cornis</i> aut <i>Hemibos occipitalis</i>	+		
Кяхтинский винторог	<i>Spirocerus kiakhtensis</i>	+	+	+
Винторог Вонга	<i>Spirocerus wongi</i>		+	+
Антилоспира	<i>Antilospira zdanskyi</i>	+	+	+
Монгольский дзерен	<i>Procapra gutturosa</i>	+	+	
Газель	<i>Gazella sinensis</i>	+	+	+
Сайга	<i>Saiga</i> sp.		+	
Сибирский горный козел	<i>Capra sibirica</i>			+
Аргали (горный баран)	<i>Ovis ammon</i>	+	+	+
Страус ископаемый	<i>Struthio</i> sp.	+		

вая в мире находка горного барана аргали *Ovis ammon* Linneus, 1766 в ископаемом состоянии.

№ 2249/31, 32, 33 – первая в мире находка дзерена *Procapra gutturosa* Pallas, 1777 в ископаемом состоянии.

3. Поставить перед фондово-закупочной комиссией музея вопрос о необходимости внесения изменений в книгу поступлений для приведения в современный вид биологической номенклатуры фоссилий в соответствии с описаниями Н. П. Калмыкова [1990].

Мамонт *Elephas primigenius* = *Mammuthus* sp. et *M. primigenius*.

Шерстистый носорог *Rhinoceros tichorhinus* = *Coelodonta antiquitatis*.

Носорог Мерка *Rhinoceros Merckii* = *Dicerorhinus Merckii* (*kirchbergensis*).

Кяхтинский винторог *Capra Suleman Kiackhthensis* = *Spirocerus kiakhtensis*.

Дзерен *Antilope (gasella) aff. Gutturosa* = *Procapra gutturosa*.

Исторические наименования при этом сохраняются в музейной информационной системе.

4. Поставить перед фондово-закупочной комиссией музея вопрос о регулировании структуры музейных фондов: объединения в палеонтологической коллекции палеозоологических и палеофлористических материалов, а также переноса из палеонтологической в остеологическую коллекцию рецентных (не окаменелых) материалов.

5. Обсудить необходимость научной ревизии палеонтологической коллекции на современном этапе в связи с тем, что ее последнее исследование было предпринято более четверти века назад.

Появившиеся в последние десятилетия новые палеонтологические методы и инструменты позволяют ожидать от палеонтологической коллекции Кяхтинского краеведческого музея выявления новой научной информации и новых открытий, которые обогатят музейное собрание и культурный ландшафт региона.

Источник и литература

Архив Российской академии наук: ф. 318, оп. 1; ф. 311, оп. 3.

Батоцыренов Э. А. Деятели Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО / Э. А. Батоцыренов. – Улан-Удэ: Экос, 2015. – 184 с.

Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии / Э. А. Вангенгейм. – М.: Наука, 1977. – 170 с.

Верещагин Н. К. Байкальский як (*Poephagus baikalensis* iv. Ver. sp. nova Mammalia) из плейстоценовой фауны Восточной Сибири / Н. К. Верещагин // Доклады АН СССР. – 1954. – Т. 99. – № 3. – С. 455–458.

Верещагин Н. К. К истории фауны млекопитающих и стратиграфии кайнозойских отложений Западного Забайкалья / Н. К. Верещагин, Л. Н. Иваньев, М. Ф. Кузнецов // Труды БКНИИ СО АН СССР. – 1960. – Вып. 2. – С. 51–66.

Громов В. И. Элементы африкано-азиатской фауны в четвертичных отложениях Сибири / В. И. Громов // Бюллетень информ. бюро Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1932. – № 2. – С. 15–17.

Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР / В. И. Громов // Труды Института геологических наук АН СССР. – 1948. – № 17. – Вып. 64. – 521 с.

Иваньев Л. Н. Вклад Кяхтинского музея в палеонтологию / Л. Н. Иваньев // Труды Кяхтинского музея краеведения им. акад. В. А. Обручева и Кяхтинского отдела ГО СССР. – 1961. – Т. 18. – С. 38–40.

Иваньев Л. Н. Стратиграфическое и палеогеографическое значение остатков ископаемого страуса в Западном Забайкалье / Л. Н. Иваньев // Геология и геофизика. – 1964. – № 6. – С. 108–116.

Калмыков Н. П. К истории исследования палеонтологической коллекции краеведческого музея / Н. П. Калмыков // Программа и тезисы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию ККМ им. акад. В. А. Обручева. – Кяхта; Улан-Удэ, 1990. – С. 65–67.

Калмыков Н. П. Страус (*Struthio*) в позднем палеолите Западного Забайкалья / Н. П. Калмыков // Вестник Донского гос. аграр. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 110–115.

Моллесон В. С. Описание остатков млекопитающих животных палеонтологической коллекции Троицкосавско-Кяхтинского музея / В. С. Моллесон // Труды ТКПО ИРГО. – 1899. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 65–77.

Клементьев А. М. Кайнозойские териологические коллекции в музеях Бурятии / А. М. Клементьев, А. Е. Мурзинцева // Эволюция жизни на Земле: мат-лы IV международного симпозиума. – Томск: ТМТ-Пресс, 2010. – С. 670–673.

Насонов Н. В. Географическое распространение диких баранов Старого Света / Н. В. Насонов. – Пг.: Изд-во АН, 1923. – 255 с.

Павлова М. В. Описание ископаемых остатков млекопитающих Троицкосавско-Кяхтинского музея / М. В. Павлова // Труды ТКОПо ИРГО. – 1911. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 21–64.

Попова Е. Е. История Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева и формирования его естественнонаучного собрания / Е. Е. Попова, А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2003. – 316 с.

Сосновский Г. П. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии / Г. П. Сосновский // Проблемы истории мат. культуры. – 1932. – № 11–12. – С. 19–24.

References

- Arhiv Rossijskoj akademii nauk: f. 318, op. 1; f. 311, op. 3.
- Batocyrenov E. A. Deyateli Troickosavsko-Kyahtinskogo otdeleniya RGO / E. A. Batocyrenov. – Ulan-Ude: ID Ekos, 2015. – 184 s.
- Vangengejm E. A. Paleontologicheskoe obosnovanie stratigrafii antropogena Severnoj Azii / E. A. Vangengejm. – M.: Nauka, 1977. – 170 s.
- Vereshchagin N. K. Bajkal'skij yak (Roerhagus baikalensis iv. Ver. sr. nova Mammalia) iz plejstocenovoj fauny Vostochnoj Sibiri / N. K. Vereshchagin // Doklady AN SSSR. – 1954. – T. 99. – № 3. – S. 455–458.
- Vereshchagin N. K. K istorii fauny mlekopitayushchih i stratigrafii kajnozoijskikh otlozhenij Zapadnogo Zabajkal'ya / N. K. Vereshchagin, L. N. Ivan'ev, M. F. Kuznecov // Trudy BKNII SO AN SSSR. – 1960. – Vyp. 2. – S. 51–66.
- Gromov V. I. Elementy afrikano-aziatskoj fauny v chetvertichnyh otlozheniyah Sibiri / V. I. Gromov // Byulleten' inform. byuro Associacii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy. – 1932. – № 2. – S. 15–17.
- Gromov V. I. Paleontologicheskoe i arheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nyh otlozhenij chetvertichnogo perioda na territorii SSSR / V. I. Gromov // Trudy Instituta geologicheskikh nauk AN SSSR. – 1948. – № 17. – Vyp. 64. – 521 s.
- Ivan'ev L. N. Vklad Kyahtinskogo muzeya v paleontologiyu / L. N. Ivan'ev // Trudy Kyahtinskogo muzeya kraevedeniya im. akad. V. A. Obrucheva i Kyahtinskogo otdela GO SSSR. – 1961. – T. 18. – S. 38–40.
- Ivan'ev L. N. Stratigraficheskoe i paleogeograficheskoe znachenie ostatkov iskopaemogo strausa v Zapadnom Zabajkal'e / L. N. Ivan'ev // Geologiya i geofizika. – 1964. – № 6. – S. 108–116.
- Kalmykov N. P. K istorii issledovaniya paleontologicheskoi kollekcii kraevedcheskogo muzeya / N. P. Kalmykov // Programma i tezisy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu KKM im. akad. V. A. Obrucheva. – Kyahta; Ulan-Ude, 1990. – S. 65–67.
- Kalmykov N. P. Straus (Struthio) v pozdnem paleolite Zapadnogo Zabajkal'ya / N. P. Kalmykov // Vestnik Donskogo gos. agrar. un-ta. – 2012. – № 4. – S. 110–115.
- Molleson B. C. Opisanie ostatkov mlekopitayushchih zhivotnyh paleontologicheskoi kollekcii Troickosavsko-Kyahtinskogo muzeya / V. S. Molleson // Trudy TKOPO IRGO. – 1899. – T. 1. – Vyp. 1. – S. 65–77.
- Klement'ev A. M. Kajnozoijskie teriologicheskije kollekcii v muzeyah Buryatii / A. M. Klement'ev, A. E. Murzinceva // Evolyuciya zhizni na Zemle: mat-ly IV mezhdunarodnogo simpoziuma. – Tomsk: TMT-Press, 2010. – S. 670–673.
- Nasonov N. V. Geograficheskoe rasprostranenie dikih baranov Starogo Sveta / N. V. Nasonov. – Pg.: Izd-vo AN, 1923. – 255 s.
- Pavlova M. V. Opisanie iskopaemykh ostatkov mlekopitayushchih Troickosavsko-Kyahtinskogo muzeya / M. V. Pavlova // Trudy TKOПо IRGO. – T. 13. – Vyp. 1. – SPb., 1911. – S. 21–64.
- Popova E. E. Istoriya Kyahtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akad. V. A. Obrucheva i formirovaniya ego estestvennonauchnogo sobraniya / E. E. Popova, A. D. Cybiktarov. – Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2003. – 316 s.
- Sosnovskij G. P. O nahodkah drevnej kamennoj indusrii i ostatkov strausa v Selenginskoj Daurii / G. P. Sosnovskij // Problemy istorii mat. kul'tury. – 1932. – № 11–12. – S. 19–24.